

В.И. Семевский

Василий Иванович Водовозов

биографический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Семевский**
Василий Иванович Водовозов: биографический очерк / В.И. Семевский – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 183 с.

ISBN 978-5-518-00260-9

ISBN 978-5-518-00260-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

17 мая 1886 года скончался известный педагогъ Василій Ивановичъ Водовозовъ. Въ исторіи нашей педагогіи его имя займетъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто; самая дѣятельность его была чрезвычайно разнообразна; занимаясь въ теченіе почти 15-ти лѣтъ преподаваніемъ въ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ оставилъ послѣ себя замѣчательные труды по русской словесности, произведшіе совершенный переворотъ въ методикѣ этого предмета; въ то же время онъ руководилъ воскресною школою, преподавалъ въ учительской семинаріи при таврической школѣ и позднѣе на аларчинскихъ женскихъ курсахъ (при V-й гимназій), перевелъ въ стихахъ многія классическія произведенія съ древнихъ и новыхъ языковъ, составилъ нѣсколько книгъ для дѣтскаго и популярнаго чтенія, цѣлый рядъ трудовъ для народной школы, и во главѣ ихъ слѣдуетъ помѣстить имѣвшую громаднѣйшій успѣхъ «Книгу для первоначальнаго чтенія»; сверхъ всего этого, онъ руководилъ тремя учительскими съѣздами. Не менѣе видное мѣсто онъ займетъ и въ исторіи новой земской народной школы въ Россіи; тутъ его имя можетъ быть поставлено непосредственно послѣ имени К. Д. Ушинскаго.

Но задача наша исключительно біографическая; полную оцѣнку трудовъ покойнаго дать историкъ нашего средняго образованія и нашей народной школы; поэтому, въ отношеніи его трудовъ, мы ограничились приведеніемъ отзывовъ извѣстныхъ специалистовъ въ дѣлѣ педагогіи.

При составленіи настоящаго очерка мы имѣли возможность воспользоваться всѣми бумагами, оставшимися послѣ покойнаго, его корреспонденціею, официальными и другими документами, а близкое, давнишнее наше знакомство съ нимъ позволило намъ дополнить и объяснить многое въ его жизни изъ личныхъ воспоминаній.

Первоначально этотъ біографическій очеркъ появился въ печати въ «Вѣстникѣ Европы» 1887 г. № 11 и 12.

I.

Дятлово Водовозова.—Нищета семьи.—Коммерческое училище.—Университетские годы.

Отец В. И. Водовозова, Иванъ Васильевичъ, купецъ первой гильдіи, велъ около 30-ти лѣтъ обширную внѣшнюю и внутреннюю торговлю при петербургскомъ портѣ. Выдѣляясь своимъ богатствомъ, онъ долженъ былъ нерѣдко нести тѣ или другія почетныя общественныя обязанности; между прочимъ, въ 1811 году онъ былъ избранъ строителемъ Екатерининской церкви (въ Кадетской линіи Васильевскаго Острова), на что имъ и было пожертвовано и безвозвратно истрачено около 90.000 руб. ассигнаціями. Онъ дѣлалъ также пожертванія и въ Вольное Экономическое Общество, за что былъ избранъ его корреспондентомъ; вслѣдствіе того онъ принималъ участіе и въ самыхъ трудахъ общества: при обсужденіи полезности какой-то, вновь изобрѣтенной тогда, машины для сахарнаго производства, модель ея была передана на заключеніе отца Водовозова, какъ сахарнаго заводчика. Портретъ его масляными красками, работы извѣстнаго художника Угрюмова, хранящійся нынѣ въ галереѣ г. Третьякова въ Москвѣ, рисуетъ намъ умное и вмѣстѣ типическое лицо русскаго купца, сильно напоминающее черты и его сына.

Съ одной стороны слишкомъ широкая благотворительность, а съ другой гибель отъ пожара амбаровъ съ хлѣбомъ, на покупку котораго были заняты значительныя деньги, совершенно разорили отца Водовозова; въ 1817 г. все его имущество было описано и продано съ публичнаго торга, а самъ онъ, какъ несостоятельный должникъ, посаженъ въ тюрьму. Хотя онъ и былъ скоро освобожденъ, но семья очутилась въ совершенной нищетѣ, и когда 2-го мая 1828 г. отецъ Водовозова умеръ, то для погребенія его «собираемо было благотворителями добровольное подаваніе». Семейство покойнаго, кромѣ жены его, Екатерины Ивановны, 42 лѣтъ отъ роду, состояло изъ четырехъ дочерей и трехъ сыновей; младшій, Василій, родился 27-го сентября 1826 года. Въ 1831 г. мать его подала прошеніе о перечисленіи ея съ двумя незамужними дочерьми въ петербургское купечество безъ платежа гильдейскихъ повинностей, но и безъ права вести торговлю, а малолѣтняго сына Василя просила причислить въ мѣщанское общество.

До семи лѣтъ Водовозовъ былъ крайне слабымъ ребенкомъ, и, по причинѣ болѣзни глазъ, его почти не выпускали изъ комнаты ¹⁾). Первоначальнымъ своимъ обученіемъ онъ былъ обязанъ родному дядѣ, брату матери; это былъ большой чудакъ, любившій въ часы досуга кропать стишки и разныя поздравительныя вирши. По словамъ Водовозова, «еще въ малолѣтствѣ онъ полюбилъ стихи, легко уча наизусть поздравительныя рацеи». Мальчикъ не только поздравлялъ такимъ образомъ мать, но, кромѣ того, въ виду полной нищеты семьи, его заставляли выпрашивать въ праздничные дни по нѣскольку копѣекъ у разныхъ знакомыхъ и «благодѣтелей», которымъ онъ принужденъ былъ произносить «поздравительныя рацеи»; одна изъ нихъ, которую онъ часто вспоминалъ до конца жизни, оканчивалась скромною просьбою—«наградить хотъ пятаккомъ» ²⁾). Въ мартѣ 1835 г., когда ея младшему сыну шелъ уже десятый годъ, Екатерина Ивановна обратилась съ просьбою въ петербургскій биржевой комитетъ о назначеніи ей постоянного пособія и объ опредѣленіи сына Василія пансіонеромъ петербургской биржи въ коммерческое училище. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ объ ея просьбы были исполнены, и 29-го апрѣля 1835 г. Водовозовъ поступилъ въ коммерческое училище.

«Вотъ, наконецъ, пришло время разстаться съ матерью,—рассказываетъ Водовозовъ въ своихъ неизданныхъ автобиографическихъ замѣткахъ: «меня отвезли въ училище. Я пла-

¹⁾ «Отъ природы слабый и хворый,—рассказываетъ Водовозовъ въ своихъ неизданныхъ автобиографическихъ замѣткахъ, набросанныхъ во время жизни въ Варшавѣ,—до семи лѣтъ я почти не зналъ Божьяго свѣта... Убитая несчастіемъ мать моя безпрестанно повторяла мнѣ одно: «молись Богу, молись Богу; Онъ тебя не оставитъ». Малѣйшій порывъ дѣтской свободы карали во мнѣ жестоко страхомъ Божиимъ... Семи лѣтъ я привыкъ уже считать себя преступникомъ, и каждый день со слезами молилъ Бога о томъ, чтобы онъ послалъ мнѣ смерть, покуда душа моя еще сколько-нибудь достойна рая».

²⁾ Въ своемъ неизданномъ рассказѣ: «Новая жизнь», полномъ автобиографическихъ подробностей, Водовозовъ говоритъ: «Александръ Петровичъ (подъ этимъ именемъ авторъ изображаетъ себя) выросъ въ большой нуждѣ. Онъ не помнилъ своего отца и принадлежалъ къ числу тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которые ходятъ съ родителями въ гости не играть и веселиться, а смиренно сидѣть, показывая примѣръ благопристойности, чтобы тѣмъ разжалобить сердце покровителей. И странно! Въмѣсто привычки заискивать и выслуживать ласки, въ немъ рано пробудилась гордость, не свойственная дѣтямъ. Этому содѣйствовала и мать, часто рассказывавшая, какъ тяжело ласки многихъ благодѣтелей... Она говорила ему: «Саша! не надѣйся ни на друга, ни на покровителя, а трудись самъ; съ трудомъ да съ вѣрою въ Бога всего достигнешь».

каль долго, плавалъ упорно, и ни увѣщанія родныхъ, ни ласкомства, ни игрушки не могли меня утѣшить. Шутки и насмѣшки товарищей совершенно меня ожесточили... Не участвуя въ веселыхъ играхъ и шалостяхъ товарищей, я жилъ всегда одинъ съ самимъ собою... Тоска овладѣла мною; душа рвалась на свободу; я полюбилъ звѣзды и даль небосклона. Тогда, по ночамъ, тайкомъ отъ всѣхъ, я началъ записывать свои мечты и думы полу-стихами, полу-прозой, и эти листки пряталъ, какъ воръ краденую вещь. Но какъ ни прекрасно было ночное небо... нуженъ былъ человекъ, съ которымъ я могъ бы раздѣлить... сердце, и человекъ нашелся. Это былъ одинъ изъ моихъ товарищей, по крови итальянецъ, характера живого и положительнаго... Его влiянiе не осталось безъ пользы: онъ первый внушилъ мнѣ любовь къ труду и страсть къ искусству». Онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска Водовозова изъ училища.

Въ статьѣ Водовозова: «Тезисы по русскому языку» ¹⁾, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнiя относительно обученiя автора въ этомъ заведенiи: «Я, конечно, долбилъ грамматику Греча, какъ и другiе, но ни одного живого впечатлѣнiя не осталось въ моей памяти изъ обученiя родному языку... Жалкая словесность, которую мы заучивали въ высшихъ классахъ, состояла изъ однихъ бессмысленныхъ фразъ; я помню изъ нея только одно мѣсто о Ломоносовѣ, потому что имъ безпрестанно дразнили меня товарищи, жужжа въ уши чепуху, отъ которой я страшно бѣсился. Занятiе литературой ограничивалось тѣмъ, что мы списывали запрещенные стишки, и у кого было больше подобныхъ стишковъ, тотъ считался литературнѣе. Я читалъ безъ разбора всякiя книги и не спалъ ночи отъ романовъ Булгарина и Поль-де-Кока. Усерднѣе всего занимался я французскимъ языкомъ. Французскiй учитель приучилъ насъ къ красноречивости, заставляя насъ писать сочиненiя на тѣмы: «Дѣвушка у ручья»... Я писалъ и товарищамъ подобныя сочиненiя за гречневую кашу, которую очень любилъ и которую у насъ послѣ ужина выносили изъ столовой и сохраняли въ фуражкахъ».

Еще большiя подробности объ этомъ періодѣ сообщаетъ Водовозовъ въ своемъ неоконченномъ и неизданномъ рассказѣ подъ заглавiемъ: «Новая жизнь», написанномъ въ пятидесятихъ годахъ и, какъ уже было замѣчено, несомнѣнно имѣю-

¹⁾ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1861 г., т. 109.

щемъ автобіографическое значеніе: «Уже въ дѣтствѣ слышаль онъ не мало сказокъ отъ разныхъ бабушекъ и тетушекъ, его няньчившихъ. Когда послѣ радостнаго отпуска на воскресенье приходилось возвращаться въ училище, Сашу (подъ этимъ именемъ Водовозовъ изображаетъ себя) провожала бойкая деревенская дѣвушка, бывшая тогда въ услуженіи у его матери; она всякій разъ умѣла развеселить печальнаго мальчика своей веселою болтовнею, и Саша, наконецъ, зналъ, какъ своихъ пріятелей, Жарь-Птицу, и Еруслана, и Конька-Горбунка, и Илью-Муромца. Въ школьномъ саду обыкновенно собиралась около него кучка товарищей, и онъ пересказывалъ имъ эти волшебныя повѣсти, безъ конца разнообразя и распространяя рассказъ собственными вымыслами. На годъ и болѣе достало ему этихъ рассказовъ, которые подъ-конецъ уже ничѣмъ не походили на сказки, имъ слышанныя. Другихъ воспоминаній мало или почти совсѣмъ не оставили первые годы воспитанія. Саша не участвовалъ въ школьныхъ затѣяхъ, имѣвшихъ цѣлью подсолить какому-нибудь нелюбимому учителю или гувернеру, или просто удовлетворить потребности въ дѣтской шалости и рѣзвости: онъ не залѣзалъ передъ классомъ въ печку, чтобы кричать оттуда пѣтухомъ; не пристегивалъ билетиковъ и бумажныхъ хвостовъ къ фалдамъ начальника; не задавалъ вмѣстѣ съ другими при его входѣ реву и стуку, извѣстнаго подъ именемъ *бенефиса*, и т. д. Вообще онъ принадлежалъ къ числу смирныхъ дѣтей, надъ которыми товарищи не пропустятъ случая посмѣяться, но которыхъ способностями вѣчно пользуются... когда нужно написать сочиненіе или объяснить трудный урокъ...

«Переходъ въ высшіе классы ознаменованъ былъ новымъ развитіемъ чувствительности, которая и безъ того сильно вредила нашему герою... Онъ сталъ перечитывать и сочинять стишки, вчитываться въ романы... Пустымъ, безцвѣтнымъ сномъ прошли послѣдніе годы училищнаго заключенія. Заключенный въ очарованномъ кругу своихъ туманныхъ грезъ, онъ не видѣлъ никакого выхода въ дѣйствительной жизни. Товарищи не прощали ему исключительности положенія въ ихъ обществѣ, имѣвшемъ свой уставъ и свои, часто очень непохвальные, цѣли; наука представлялась въ видѣ мертваго собранія буквъ и цифръ, тяжело налегающихъ на память, — все отчуждало его отъ окружающаго міра и развивало въ немъ

печальную привычку пренебрегать настоящимъ, чтобы ожидать чудесъ отъ будущаго».

Заучиваніе дядюшкиныхъ виршей въ дѣтствѣ и чтеніе разныхъ книгъ безъ всякаго разбора вызвали въ молодомъ Водовозовѣ нѣкоторую способность къ занизыванію риѣмъ; слушаніе множества сказокъ въ дѣтствѣ и въ первые годы пребыванія въ училищѣ возбуждало фантазію, а благочестивыя чувства, привитыя матерью, дали религіозную окраску одному изъ первыхъ опытовъ юнаго стихотворца: мы разумѣемъ—сохранившееся въ бумагахъ Водовозова стихотвореніе на текстъ: «Аще бо добрыхъ дѣлъ нѣсть, вѣра въ Бога мертва есть», на которомъ самимъ авторомъ поставленъ 1839-ый годъ. Нельзя не замѣтить, что это дѣтское произведеніе четырнадцати-лѣтняго автора навѣяно горькими воспоминаніями о нуждѣ, испытанной его матерью, и печальной необходимостью исцѣля помощи «благодѣтелей» и «покровителей».

Приведемъ начало этого стихотворенія:

«Скажите: можетъ ли быть вѣра
Въ словахъ пустого лицемѣра,
Который говоритъ, что вѣрить въ Бога онъ,
Ни бѣдной братіи не зная
И хладнокровно презирая
Вдовы несчастной жалкій стонъ?
Скажите: можетъ ли словами
Своими Богу угодить
И такъ блаженство получить,
Не заслуженное дѣлами?..» и т. д.

Иногда юный Водовозовъ старался выразить въ стихахъ свое пламенное стремленіе поскорѣе вырваться на волю изъ «противнаго» училища; въ другихъ стихотвореніяхъ онъ пытается изображать природу или обращается къ соловью. Какимъ образомъ отъ этихъ мечтаній при лунѣ онъ перешелъ къ мысли продолжать свое образованіе и рѣшился готовиться къ университетскому экзамену,—недостаточно ясно изъ его автобіографическихъ замѣтокъ.

Послѣдніе дни пребыванія въ коммерческомъ училищѣ были употреблены товарищами Водовозова на то, чтобы написать другъ другу на память по нѣскольку строкъ. Молодой Водовозовъ для воспріятія этихъ товарищескихъ чувствъ, за неимѣніемъ альбома, употребилъ тетрадку торговаго права, гдѣ мы и находимъ записи 17 человекъ. Самая любопытная изъ нихъ слѣдующая: «Прощай, любезный товарищъ! Прощай, Вася Водовозовъ, знаменитый философъ новѣйшихъ

и древнѣйшихъ временъ! Дай Богъ, чтобы твои всѣ желанія исполнились какъ можно скорѣе и съ излишествомъ. Сидя иногда съ латинскою грамматикою Кошанскаго, вспомни объ одномъ человѣкѣ, который тебя любилъ отъ всей души, хотя и надобѣдалъ нѣкогда словами изъ литературы знаменитаго Благодарева: «но эти занятія были не для него», или: «въ одномъ нагольномъ тудупѣ, на мерзлой рыбѣ, и т. п.»¹⁾».

6-го іюня 1842 года Водовозовъ окончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ. Ему не было тогда еще 17-ти лѣтъ; но какими добрыми стремленіями былъ пронизанъ этотъ юноша, видно изъ слѣдующаго письма, написаннаго имъ вскорѣ послѣ выпуска кому-то изъ своихъ бывшихъ преподавателей или воспитателей: «...Пересмотрѣвъ всѣ житейскіе проходы и переходы къ вѣчному, я нашелъ только *одинъ* себѣ по сердцу... Труденъ путь, избранный мною, я это хорошо знаю; но, слѣдуя сердцу, я уже сказалъ: воля Божія, и готовъ идти съ терпѣніемъ, услаждая горести и печали *занятіями, родными сердцу*... Благословите ли вы мое стремленіе, какъ благословилъ его я; вѣрите ли вы мнѣ, что я желаю вступить не въ университетъ, а въ познаніе всего того, что тамъ проходятъ по моему предмету. *Польза общественная*²⁾ будетъ всегда моимъ девизомъ, и я надѣюсь принести хоть каплю пользы при стараніяхъ, которыя, если только они сообразны съ разсудкомъ, никогда не могутъ быть тщетными, а у меня кромѣ стараній есть еще любовь къ наукѣ. Я поспѣшу всѣми силами оправдать слова мои на дѣлѣ... Я болѣе всего боюсь терять дорогое время, и потому нынѣшній же годъ, готовя нѣсколько греческій языкъ (латинскій почти болѣе не требуетъ приготовленій), вступить въ число вольнослушающихъ... На будущій годъ—что Богъ дастъ! Мнѣ надо признаться, что я долженъ необыкновенно успѣвать, потому что у меня есть мать, которая всѣмъ *возможнымъ* жертвуетъ для меня, сердечно вѣря искренности моихъ желаній.

Любопытно, какъ въ этомъ письмѣ, несмотря на то, что опущенное нами его начало проникнуто романтизмомъ, навѣяннымъ Жуковскимъ, уже сказываются трезвыя и благотворныя стремленія: «*польза общественная* будетъ всегда

¹⁾ Это, очевидно, тѣ слова о Ломоносовѣ, которыми товарищи дразнили Водовозова.

²⁾ Курсивъ подлинника.

моимъ девизомъ», твердо пишетъ юноша, которому не исполнилось еще семнадцати лѣтъ, и этому девизу Водозовъ былъ дѣйствительно вѣренъ въ теченіе всей своей литературной и педагогической дѣятельности.

Черезъ годъ по окончаніи курса въ коммерческомъ училищѣ т.-е. въ 1843 г., Водозовъ вступилъ въ университетъ. Собираясь поступить на филологическій факультетъ, но чувствуя, что онъ не можетъ еще выдержать требуемаго для этого экзамена по греческому языку, онъ рѣшился сдѣлаться студентомъ юридическаго факультета, съ тѣмъ, чтобы потомъ, при первой же возможности, перейти на филологическій. Экзамены были выдержаны успѣшно, что дѣлаетъ честь способностямъ и трудолюбію юноши, получившаго въ училищѣ весьма недостаточную подготовку. Въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ Водозовъ говоритъ: «Помню только экзаменъ логики и русскаго языка. Изъ логики экзаменовался я по вдохновенію; по русскому языку задана мнѣ была тема: «Петръ Великій». Я ей очень обрадовался и безъ труда нагородилъ двѣ страницы самыхъ торжественныхъ фразъ, наставивъ какъ можно больше тире и восклицаній. Къ моему величайшему удивленію, почтенный профессоръ, который вскорѣ потомъ назвалъ меня своимъ пріятелемъ (и эта пріязнь продолжается донынѣ ¹⁾), началъ жестоко распекалъ меня: «Откуда вы взяли такой слогъ? кто такъ пишетъ? гдѣ вы это читали?» Я очень смутился, потому что считалъ себя ужь очень опытнымъ литераторомъ, но, наконецъ, помирился и на томъ, что получили: три». Съ перваго же дня своего пребыванія въ университетѣ Водозовъ сталъ посѣщать лекціи не юридическаго, а филологическаго факультета и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подалъ прошеніе о переводѣ его на этотъ послѣдній. Такъ какъ профессора уже успѣли замѣтить, съ какою добросовѣстностью онъ посѣщаетъ ихъ лекціи, то они ничего не имѣли противъ этого въ принципѣ, но предписали Водозову довольно суровыя условія: а именно, онъ долженъ былъ въ концѣ академическаго года сдать вступительный университетскій экзаменъ по греческому языку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдержать переводные экзамены изъ перваго курса во второй. Несмотря на то, что выполнить это условіе, относительно греческаго языка, было особенно трудно, Водозовъ, благодаря своимъ

¹⁾ Александръ Васильевичъ Никитенко; писано въ 1861 г.